

Леонид
Злобинский
Пятьдесят
первых

Львовский вариант

01

Составитель и редактор — Кирилл Харатьян

Л 50

Злобинский Л.
Пятьдесят первых. Избранные произведения. —
Москва: 2013. — 208 стр.
ISBN

Леонид Злобинский родился 9 декабря 1963 года
в Днепропетровске, по специальности инженер-металлург, сейчас
предприниматель. Живет в Голландии. Пишет с ранних лет.

УДК 241.753.7
ББК Ш6.84

Бывают дни и события, которые уже в далеком прошлом, а вспоминаются, как будто происходили вчера. И краски свежи, запахи остры и детали всяческие в памяти всплывают вне зависимости от каких-либо усилий мозга. Странный симбиоз сознания, души и чего-то там сверху.

Так и у Генки Голубева в подсознании частенько всплывали теплый июньский вечер в далеком восемьдесят первом, когда он и Санька Капарулин возвращались с тренировки домой. Санька Капарулин, или, как его называли в Генкиной компании, Капа. жил на левой стороне реки Днепр, а Голубев — в центре города. Они всегда возвращались домой вместе, сначала садились на троллейбус «пятерку» возле стадиона «Метеор». Затем в низу проспекта Кирова пересаживались на автобус, который через центр ехал на левый берег. Генка выходил возле главпочтамта, а Капа ехал дальше. Частенько они шли пешком до нового моста через парк возле Горисполкома, болтали о всякой ерунде. Генка больше слушал Капу. Капа был старше Генки лет на пять-шесть, аспирант в местном строительном институте на кафедре канализации и сантехники. А Генка — студент-второкурсник Днепропетровского металлургического института.

Остановить Капу в его разговорах было не возможно. Рот Капы не закрывался ни при каких обстоятельствах. Он рассказывал анекдоты и сам смеялся по окончании любого из них, даже если они были несмешными. Добрый сарказм Капы хлестал через край. Он шутил, смеялся в полный рот. Иногда даже неприлично.

Капа был видным парнем. Крепким, жилистым, чуть выше среднего роста, с вихрами на правый бок. Нос Капин был с горбинкой, и она шла ему. Почему-то все пацаны в Генкиной компании считали, что горбатые носы носят только евреи. Капа был русским, но судя по реакциям на свою горбинку, хотел быть потомком Эйнштейна.

Девушки-студентки, у которых Капа вел практические занятия, сильно западали на него. Влюблялись все в него без исключения. У Капы было одновременно много романчиков.

Почти всех его воздыхательниц Генка знал. Одна из них была Ирка Васильева — длинноногая красавица из Генкиной бывшей школы. Это обстоятельство их объединяло. Капа рассказывал ему о своих похождениях, и даже всякие подробности, которые будоражили Генке воображение.

В тот день они шли по центральному проспекту. Решили зайти в кафе «Холодок» на углу Серова и К.Маркса. Капа предложил выпить по молочному коктейлю и съесть по пирожному «Лето». Особенно вкусной была пенка на молочном коктейле. В питье добавляли, если попросить, двойной дюшесовый сироп. Кислинка обволакивала гортань после куска сладкого пирожного. На выходе из кафеих окликнули:

— Ребя, не подскажите, как пройти к гостинице «Украина»?

Капа и Голубев обернулись. Перед ними стоял и улыбался мужчина лет сорока. В красивых голубых фирменных джинсах Levy's Strauss, сабо на высокой колодке, куртке Wrangler с кожаными вставками. Все было фирменным и новым. Особенно его темные очки Ray Ban в золотой оправе и красная сумка Adidas через плечо. Мужик улыбнулся, достал пачку Marlboro. Раскрыл ее, выбил ловким движением сигарету. Капа первым взял предложенную сигарету. Вслед за ним и Генка, стараясь не отставать. Ну кто бы отказывался? Они покуривали втихаря. Нечасто, но всякую дрянь типа болгарских «БТ» или «Родопи». А тут сигареты, которые известны только понаслышке. И этот фирменный прикид, который в ту пору считался верхом благополучия. Улыбка, вот что было замечательным в этом парне. Она была простая, открытая и широкая. Во весь рот с белыми зубами и притягивающая некоей простотой. Обволакивающая своим шармом и музыкальностью, словно у оперного певца. Даже поломанные уши, как у мастера спорта по борьбе самбо, на коротко стриженной голове, не портили улыбки.

— Меня зовут Виктор, — парень протянул крепкую загорелую руку.

— А нас Саня и Гена, — Капа покосился на Генку. Они пожали протянутую им руку.

— Конечно, мы вам покажем дорогу, нам все равно по пути, — сказал Генка.

Они шли по центральной аллее, по бокам которой были тесно посажены акации. Летом бульвар всегда выглядел зеленым. Скромные лавочки друг напротив друга, словно подружки, вдоль всей аллеи от начала и до конца. По пути Виктор рассказал им, что он моряк, зампотех на большом научном корабле «Восток». Уже как десять лет ходит во всякие заморские страны. Много раз пересекал экватор, объездил всю Европу, Азию и Южную Америку. Даже видел лично Фиделя Кастро на Острове Свободы и папу римского в Ватикане. От его рассказов у них мутилось

в голове. Обо всем, что рассказывал Виктор, Генка знал лишь понаслышке или из учебников школьной истории. Виктор рассказывал свои истории красочно, с деталями и мелочами.

Генка тогда очень завидовал ему. Несколько раз новый знакомый угощал их вкусными сигаретами, малиновой и клубничной жвачкой. Показывал фотографии с кенгуру, утконосом и маленьким крокодилом. Даже достал из сумки авторучку с плавающей в середине гондолой. Гондола медленно плыла от одного конца ручки к другому — на фоне дворца дождей, мостов и арок. Это был сувенир из Венеции. От Виктора пахло Гибралтаром, Северным морем, Голландией и Землей Обетованной. На фотографиях Виктор был в форменной одежде моряка-офицера, в белой фуражке, в легких летних шортах и с обезьянкой на плече. Генка такую видел в Сочи на пляже у фотографа, когда ездил туда малышом летом с бабушкой Верой.

Больше всего его поразила фотография старой баржи в порту французского города Кале. Баржа была ржавой, накрепленной на левый бок. Голубеву казалось, что она скрипит всеми своими металлическими мускулами, трапами и люками. На заднем фоне фотографии виднелся высоченный маяк. Он был таким белым, как новая известка на мазанке в украинской деревне. Баржу необходимо было красить в такой же цвет. В этом был, по Генкиным измышлениям, состоял основной смысл фотографии. Разница заключалась в том, что старое суденышко должны будут обязательно отремонтировать и залатать все дыры. Не дело проржавелой посудине кряхтеть рядом с новым покрашенным маяком.

А в заключение он показал фотографию, по-видимому, сделанную вечером: Виктор сидел на фоне памятника Родена «Граждане Кале». Лица Виктора не было видно, один силуэт. Зато памятник выглядел четко и резко. Генку поразила эта скульптура. Он долго не отдавал фотографию, стараясь рассмотреть лица и тела в этой композиции. Видя это, Виктор хмыкнул, улыбнулся и тихо сказал: это скульптура, которая сделала Родена знаменитым на весь мир. Роден подарил этот памятник Кале в честь противостояния французов и англичан. Виктор рассказал историю, как шестеро отважных жителей Кале согласились пойти в плен во вражеский стан, дабы сохранить жизнь остальным жителям города, находившегося в осаде.

— Если хочешь, можешь оставить эту карточку себе, — обратился он к Генке. — У меня есть негатив, я еще себе напечатаю. А вообще-то я на стороне Франции.

Генка был ему благодарен, он знал только роденовского «Мыслителя». У Генки дома была маленькая открытка, надписанная его мамой. Он стал думать, как покажет эту фотографию дома маме. И она будет счастлива. Что нужно для счастья мамы?

01

01

Они подошли к гостинице, Виктор предложил зайти с ним в гостиничный бар. «Украина» была центральным и самым обустроенным отелем для иностранцев. Бар был за доллары или специальные чеки, которые получали командировочные за рубежом.

— А нас пустят туда? — наивно спросил Капа.

— Нет никаких проблем, меня тут знают, а вы со мной.

Парни вы приличные, конечно, пустят. Идемте, не стесняйтесь. Тем более, что я угощаю сегодня.

Генка никогда не был в таком месте, как валютный бар. Судя по реакции Капы, тот тоже, и они согласились. Швейцар, старый дядька в засаленной униформе, открыв дверь, спросил хамовито, обратившись к Виктору:

— А эти с вами?

— Да-да, со мной, — Виктор улыбнулся.

Дядька распахнул широко массивный вход, и они оказались в полукруглом вестибюле, с высоченными потолками, с лепкой и коврами ручной работы в холле и на лестнице. В баре Виктор говорил по-английски с барменом. Генка не понимал, зачем Виктору понадобилось говорить с барменом на иностранном, если они оба знают русский. И спросил его об этом. Не долго думая, Виктор ответил, что это придает значимость обитающим в этой гостинице людям. Для этих барменов и холуев важно понимать, что они разливают дорогий коньяк важным посетителям, а не проходимцам. Философия такая: знаешь иностранный язык — это уже придает тебе авторитет и увеличивает твои шансы в жизни.

— Так что учи язык, — сказал Виктор и похлопал Генку дружески по плечу.

Голубеву очень понравилось его объяснение. Особенно его честность. Виктор, когда говорил, смотрел ему прямо в глаза, не моргая. Глаза его были черными, как уголь, словно донбассовский антрацит. Они прожигали насквозь и одновременно светились правдивым таким холодком. У Генки даже мурашки побежали по спине. Не от страха какого-то, а от открытости, с какой Виктор отвечал, от сознания того, как запросто он (Генка) оказался на короткой ноге с папой римским и турецкими мечетями. От радости того, что он сидит рядом с человеком, который был на концерте Pink Floyd и Kiss.

Они плавно перешли на разговор о всяких рок-группах. Выяснилось, что Виктор большой любитель джаза и рока и любит те же группы, что и Генка. Вся Генкина маленькая комната была обклеена плакатами с солистами, гитарами и барабанами. На самом видном месте висели Beatles, чуть справа — увеличенная копия с конверта Uriah Heep Conquest 1980 года — солдаты, водружающие знамя на камнях победы. На противоположной стене

01

были Queen и группа Animals. «Звери» стояли возле кирпичной стены: патлатые, в клешах — и улыбались, вот что подкупало. Плакат Генка выдрал из какого-то польского музыкального журнала. У него были стереонаушники, вертушка Sony, подаренная ему дедом Шурой, две громадные колонки и усилитель Technics. Музыка он слушал в наушниках, даже чертил всякие курсовые под тяжелый рок. Шнур был настолько длинным, что он мог ходить вокруг своего кульмана под любимую «Телеграмму» группы Nazareth. Пластинок у Генки накопилось много. Его коллекция представляла большую материальную ценность. Каждый месяц он тратил практически всю свою стипендию на «плиты». Все свободные выходные он ходил на толкучку, где продавались пластинки. Толкучка назвалась биржей. На бирже его знали. Некоторые старики, оказывая ему «уважуху», давали пластинки без залога на прослушивание. Он был обладателем всех концертов Uriah Heep, Foreigner и Queen. Генкина коллекция состояла из более, чем ста пластинок. Стоимость всей коллекции, по самым скромным подсчетам, оценивалась в две с половиной тысячи рублей. Особенно ценились ранние концерты группы Genesis, которую Генка сильно не любил, но держал для престижа.

Виктор слушал Генку про его хобби и вдруг так запросто сказал:

— А ты знаешь, я тебе в следующий раз привезу пластинки. Мне это не сложно, а тебе дешевле будет. Факт! — Генка прямо обалдел от такой перспективы. — Ты мне список напиши, я по этому списку все тебе и привезу.

Они еще долго сидели и болтали с Виктором. Пили коньяк. В какой-то момент Виктор заказал шотландский виски «Джонни Уокер». Виктор просил добавлять в бокал лед и долго рассказывал, чем отличается этот сорт виски от другого. Время как-то незаметно бежало. Уже было девять вечера, когда Виктор вдруг сказал:

— Слушайте, а вам джинсы нужны?

— Нужны, — тут же отреагировал Капа.

Они были уже навеселе.

— У меня есть сорок пар самых ходовых размеров Levy's Strauss. Вот точно такие же, как на мне. Виктор встал, повернулся, прошелся рядом. Джинсы были самого правильного синего-голубого цвета, с небольшой вытертостью на коленях. Это придавало им специальный «старый» эффект, что было очень модно.

— Я их готов вам продать по сто двадцать рублей за пару. Мне необходимо послезавтра быть в Одессе, на корабле. Если вы их купите оптом, выручите меня сильно. Как говорится и волки сыты, и овцы целы...

Генка с Капой переглянулись. У Голубева до этих самых пор были только джинсы из Конотопа, которые мама привезла ему из московской командировки. Бедняга мама, стояла в дли-

01

нущей очереди. Притаранила этот «Конотоп», который только что был цветом похож на «фирму». Он ей тогда ничего не сказал, благодарил ее. Но на самом деле старался их надевать реже, дабы не позориться перед своими друзьями, у которых были фирменные штаны. Капа тыкнул Генку под столом ногой и сказал:

— Виктор, это замечательно. Мы купим все сорок пар. Деньги мы найдем. Это не проблема.

— Вот и спасибо, вы меня сильно выручите. В противном случае придется оставлять весь товар моей сестре. А так я получу деньги быстро. Здорово, что я вас встретил сегодня. Мне просто повезло, реально. Спасибо вам еще раз!

Когда они прощались, Виктор махнул рукой бармену. Тот улыбнулся в ответ. Они вышли из бара на свежий воздух. Виктор проводил их до выхода:

— Как мы завтра? В пять вечера вам подойдет?

— Да, нормально, — ответил за двоих Капа.

— Тогда давайте в пять, пять пятнадцать, в тупике пятого троллейбуса, на углу проспекта Кирова и улицы Титова. Там моя сестра Наташа живет, штаны у нее дома.

Виктор улыбнулся. Крепко пожал им руки на прощание и удалился в холл отеля. Швейцар презрительно взглянул поверх их голов и закрыл двери: не ваше это, мол, место, беспорточники.

— Капа, где ты собираешься брать почти пять тысяч рублей? — спросил Генка.

— Ну во-первых, не пять, а четыре восемьсот, — ответил Капа, наморщив лоб. Капа всегда морщил лоб, когда начинал серьезно думать.

— У меня нет денег, Капа — сказал Генка.

— У меня тоже нет, по большому счету. Но мы можем их найти. Это факт, — Капа взглянул на Генку так, что было понятно — это точно получится.

Капа решил вслух посчитать общую ожидаемую прибыль.

— Вот гляди, — начал Капа, — мы получаем сорок пар штанов. Тебе сколько нужно для личного пользования?

Генка сначала даже и не понял, что Капа имеет в виду.

— Сколько тебе лично нужно штанов, не для продажи, для носки?

— Одни.

— И мне максимум две пары, может быть, я одну пару Васильевой подгоню, — продолжил Капа. — У нас останется тридцать семь пар джинсы. Купили мы их по сто двадцать, а продадим легко по двести сорок, ну по двести тридцать, очередь будет стоять. Прикинь, навару у нас будет почти четыре тысячи рублей. На двоих это по две тысячи. Представляешь?

Генка давно уже высчитал весь доход и представлял, как купит кучу вина в ближайшие выходные себе и всем сво-

01

им родным какие-то подарки: маме — духи «Красная Москва», папе — бутылку «Киндзмариули» и, может, еще бутылку «Тетры». И еще обязательно большую репродукцию картины Босха «Распятие». Он видел ее в центральном книжном магазине. Долго стоял и рассматривал эту картину. Лицо уже умершего Иисуса на кресте, святого Петра, Иоанна Богослова и девы Марии. Представлял, как эта картина будет хорошо смотреться на его стене возле окна, между плакатом группы Supermax и группой ABBA.

— Я, наверное, сейчас к деду своему поеду. У него попрошу в долг. На пару дней. Не знаю сколько, но он должен дать, мне так кажется, — вслух рассуждал Генка.

— А я попрошу у брата Кости, — сказал Капа. — У него есть точно, они на дачу копят.

С этим они расстались, договорившись, что утром завтра до десяти созвонятся и обсудят дальнейшие действия.

Дед Генкин долго думал, когда внук вывалил свою просьбу. Генка рассказал о Викторе и про джинсы, даже о гражданах Кале, показал фотокарточку. Дед долго сидел и молчал. Глядел на внука. Закурил папиросу «Беломор». Ковырял потом долго окурком в стеклянной прозрачной голубой пепельнице. Опять смотрел и наконец, сказал:

— Я дам пятьсот рублей. Только вот получил гонорар за последнюю книгу. Тебе повезло, что я их еще не отдал бабушке. Ты, Гена, взрослый и должен отвечать за свои слова. Сказал, что вернешь, значит должен непременно вернуть. Остальное — не волнует. Если согласен с моим подходом, то я дам тебе их. Если у тебя есть хоть какие-то возражения, то поищи кого-то другого для одалживания.

Дед всегда был конкретным и прямым.

— Я согласен, — ответил Генка.

Он полез куда-то в шкаф. За книги. Долго там копался и потом выдал Генке двадцать новеньких двадцатипятирублевых. Банкноты хрустели и пахли.

Генка ехал домой и радовался, что первая попытка достать часть денег увенчалась успехом. Деньги достались просто. Генка даже не вспотел особо, беседуя с дедом. Обычно пот катился у Генки из-под мышек, он всегда нервничал. Дед был строгим, но любил Генку. А Генка это чувствовал. И вот он воспользовался этим его чувством. Пришел, увидел, победил.

Далее Генкина ситуация складывалась более чем хорошо. Можно сказать, что все деньги, Генкину часть, две тысячи, так они договорились с Капой, он достал в этот же вечер. По пути от деда домой Генке в голову пришла прекрасная идея: он решил позвонить одному своему знакомому по бирже Юрию Ивановичу. Юрий Иванович был мужик в годах, можно сказать, пожилой. Ему было неопределенно за шестьдесят, но они сошлись с ним

01

на теме рока. Юрий Иванович носил неопрятные длинные волосы, работал непостоянно в каком-то КБ, любил пиво и курил «Приму». Юрий Иванович был одинок. Жена его померла давно, а сын обрелся, где-то на Севере, то ли в Ноябрьске, то ли в Новосибирске, в поисках заработка. Пластинок у Юрия Ивановича было больше, чем у Генки, раз в десять. Все они были идеального качества. Да и аппаратура была завидная. Даже был большой вертикальный бобинник Sharp. Юрий Иванович жил неподалеку от Генки, на улице Ленина, в двухкомнатной квартире. В одной комнате он спал, а другая была предназначена только для рока. Генка часто бывал у него, пил с ним пиво. Иногда Юрий Иванович разбавлял «Жигулевское» «Русской» или «Пшеничной». Они слушали Jethro Tull, второй концерт группы, главный вокалист Андерсон играл на флейте. Это было новаторство в роке. Юрий Иванович говорил, что за этим направлением будущее. Он закрывал глаза, закрывал их и начинал покачивать головой в такт барабане и бас-гитары. Генка иногда ему подражал (не сотворил себе кумира).

Приехав домой, Генка тут же набрал его номер. Выждал момент и позвонил. Все было очень просто: он сказал, что нужны деньги. Юрий Иванович спросил: сколько? Генка ответил: полторы тысячи. Он тут же сказал: хорошо, только все свои «плиты» в залог. А в конце еще и извинился. Генка даже не понял — зачем?

Утром Генка прогулял все лекции и даже лабу по теореме. Сходил к Юрию Ивановичу, принес все свои пластинки. Их было очень много. Генка их еле дотащил в трех сумках. Взял деньги. Позвонил Капе от Юрия Ивановича. На его удивление, Капа был тоже уже с деньгами. Генка даже не спросил, где он их раздобыл.

Они встретились с Капой в полпятого вечера в низу проспекта Кирова, на остановке пятого троллейбуса. Капа был с большой спортивной сумкой. Генка спросил, зачем ему такая сумка, а потом понял, что вообще ничего не взял, куда положить товар — джинсы.

Ничего, Виктор что-нибудь придумает, он поможет. Ровно в пять они были в условленном месте. Стояли на остановке, возле киоска «Союзпечать», неподалеку от бочки с квасом. Прошло минут десять. Они выпили с Капой по кружке холодного кваса. Квас был замечательным. Он хорошо утолял жажду. Вот в этот момент их окликнул Виктор:

— Привет, Саня, Гена. Извините, что я немного опоздал. Дела. Весь день мотался. А это Наташа, познакомьтесь. Наташа моя двоюродная сестра. Мы сейчас пойдем к ней за штанами. Она живет в этом доме, — и Виктор показал на шестизэтажку-сталинку через дорогу.

01

Перед ними стояла очаровательная высокая девушка, блондинка, в красивых голубых джинсах в обтяжку и такого же цвета джинсовой куртке. Наташа улыбалась и вдруг сказала:

— Ну, кто угостит даму стаканчиком холодного кваса?

Гена с Капой бросились к бочке, толкаясь и спотыкаясь. Капа оказался проворней. Наташа жадно пила квас. Незаметно икнула и обратилась к Виктору:

— Вы идите, я вас догоню через минут пятнадцать. Мне в магазин нужно на секундочку. Витя, у тебя есть ключи?

Виктор утвердительно кивнул сестре. И она удалилась грациозно. Они еще какое-то время смотрели ей след...

А затем перешли дорогу, вошли в подъезд за Виктором. Между вторым и третьим этажом Виктор обернулся и сказал:

— Саня, Гена, вы не обижайтесь, но я не могу вас пригласить к Наташке в квартиру. У нее отец коммунист, член местного райкома, фарцу не любит. Если засечет нас, шума будет — не обмеря. Вы правда, не обижайтесь только, ладно?

— Да ничего страшного, Виктор, мы тебя здесь подождем, ты только недолго. И вот еще что — сумку захвати с собой, а то моей не хватит, — ответил Капа.

— Вы деньги-то насобирали? Извините, что спрашиваю. Но бизнес есть бизнес. Давайте посчитаемся, если не возражаете.

— Да нет проблем, — Капа вытащил свои и Генкины деньги.

Генка давно отдал свои деньги Капе. Они решили, что так будет лучше, удобнее что ли. Денег оказалось много, у Капы в основном были пяти- и десятирублевки, вышло много пачек. Капа протянул пачки Виктору. А Виктор, в свою очередь, разделил пачки ровно пополам и отдал половину Генке со словами:

— Гена, посчитай пожалуйста, быстрее будет!

Генке понадобилось минут пять. В его части оказалось одна тысяча восемьсот рублей.

— Все точно, только знаете, я две пары Наташке оставил, вы не возражаете? От вас же не убудет. Вот вам назад девсти сорок рублей, — с этими словами Виктор отсчитал двадцать четыре десятирублевые купюры. — Я мигом, две минуты, погодите меня, пожалуйста. Вот, покурите пока, — и Виктор дал Капе пачку Marlboro.

Виктор очень быстро, через две ступеньки запрыгал наверх за джинсами.

Генка и Капа остались ждать Виктора. Капа достал сигарету, вторую протянул Генке. По подъезду плавно поплыл заграничный вкусный дымок.

— Все-таки классные сигареты, — сказал Капа.

Они курили в странной подъездной тишине. Сколько раз приходилось ему выпивать с друзьями или просто тусоваться.

01

Когда сыновьям за сорок,
А внукам уже не пять,
Думаешь, есть ли порох,
И есть ли смысл стрелять...

Когда ноябрь приходит,
Дождями со снегом в груди,
Думаешь: это временно,
Лето еще впереди...

И снится Казань с Магаданом,
А утром сидишь у окна,
И видишь Ходынское поле,
И хочется выпить вина
Того, что тогда, — с горчинкой,
Того, что вовек не забыть,
И думаешь ты: время,
Все же нельзя убить...

Твой шаг, как всегда, настроен
И поступь твоя — «не горюй»,
И ты, словно в поле воин,
Штык наголо и воюй.

Один в поле воин — глупость,
Раз взрослый рядом сын,
И ты презираешь трусость,
Не пробуя выбить клин...

И можно гордиться делами,
И сыном, который талант,
Все звезды и дождь с облаками,
И только лишь ты Атлант...

50

И бросив в пространство вето,
Вставать не в ночную рань,
Наступит ведь скоро лето,
И снова ехать в Казань...

Полоть, как всегда на даче,
Звонить, как прежде, домой,
И думать, что люди клячи,
И вновь заболеть душой...

И вроде бы дом построен,
И вроде бы сын возвращен
Но ты, как и прежде, воин,
И мир тобою прощен...

06.11.2012

50

Содержание

1.	Львовский вариант	3	36.	На северном море ветер...	141
2.	Две свечи	15	37.	Жерлица	142
3.	Addicted to Red	16	38.	Черепица, скользящая вниз...	151
4.	Я совершенно не умею быть один...	21	39.	Диссертация	152
5.	Необыкновенная история	22	40.	Ну вот, я поседел и мне не снятся горы...	155
6.	Карман	27	41.	Жид	156
7.	Нинель	28	42.	Воспоминание	164
8.	Хворобушка	34	43.	Инвестмент	165
9.	Татьяне Филипповне Фоогд-Стояновой	35	44.	Я бы смог тебя увести...	177
10.	...суета и хаос...	40	45.	Нефертити	178
11.	Развод	41	46.	Рождественский 2010	188
12.	Докурив сигарету едкую...	54	47.	Форшмак	190
13.	Аналогия	55	48.	Смотрела на меня луна...	201
14.	В каждой капельке дождя осеннего...	58	49.	Просто сон	202
15.	Прибавочная стоимость	59	50.	Когда сыновьям за сорок...	204
16.	Я не Максимилиан, ты не Марина...	69			
17.	Чича	70			
18.	Осеннее настроение	77			
19.	Памяти Севы Мишонова	78			
20.	Словно луна взошла...	82			
21.	Мои физики	83			
22.	Над увядающей полоской неба...	96			
23.	Два балкона	97			
24.	Здесь когда-то молился Он...	100			
25.	Запах Луны	101			
26.	Зыбкость	102			
27.	Климакс	103			
28.	Зимняя Польша	108			
29.	Репсовый бант	109			
30.	В самолёте, не от скуки...	113			
31.	Минька	114			
32.	Париж...	124			
33.	Мои голландцы	125			
34.	Вокзал Лион (Париж)	134			
35.	Ностальгия	135			

Литературно-художественное издание

Леонид Злобинский
Пятьдесят первых

Составитель и редактор — Кирилл Харатьян
Дизайн, верстка — ХА!

Печать офсетная. Формат 60×84 1/16

Тираж 300 экз.

Гарнитуры PT Serif и MTF

Подписано в печать 30.11.2013

Агентство «Йонкл»

Москва, Малая Грузинская ул., 19/2

xrtk@yandex.com